Триумф теней

Софья Шиманская

Софья Шиманская

Триумф теней

Серия «Young Adult. Мертвые земли Эдеса», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74704771
Шиманская, Софья. Триумф теней: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-256783-4

Аннотация

ФИНАЛ ЭПИЧЕСКОЙ АНТИЧНОЙ ТРИЛОГИИ СОФЬИ ШИМАНСКОЙ!

Когда тебя поведут на казнь – иди с радостью.

Луций Эдера бесследно исчез, бросив Эдес и Тал в жерло разгорающейся войны. Отрезанный от мира, заточенный в клетке воли, он вынужден наконец узнать горькую правду о своей семье и расплатиться по долгам.

Пока Даллах заперт в безмолвии, мир бьется в агонии. Мертвая Земля затягивает петлю вокруг двух гибнущих государств. На Севере, объявив войну брату, Аэд огненным смерчем выжигает собственный народ. В Эдесе, омывая руки в крови, Талия примеряет маску вожака восстания.

Консул Публий Авитус отчаянно пытается сохранить от распада трещащую по швам Республику, а Марку Центо предстоит сделать выбор между верностью и совестью.

Власть становится бременем, которое невозможно нести, а ложь превращается в оружие более смертоносное, чем меч. Заклятые друзья и верные враги оказываются перед лицом Изнанки – первозданного хаоса, от которого люди когда-то отвернулись, но который всегда ждал их в тени.

Найдет ли Луций в себе силы сделать то, что должно, даже если цена за спасение мира окажется непомерно высока?

Софья Шиманская пишет ярко, дробно и очень динамично, не оставляя читателя прозябать в тени истории, а, наоборот, приглашая его в свое опасное, но такое завораживающее путешествие. В своем блоге с 130 тысячами подписчиков она раскрывает глубину человеческих эмоций и привязанностей, вдохновляя каждого из нас принять вызов судьбы и отправиться навстречу приключениям.

«Здесь каждый выбор – это цена. Каждая победа оборачивается потерей. Магия пожирает мир, а те, кто должен его спасать, сами становятся его проклятием. Дружба и предательство. Любовь и смерть. Жестокость и милосердие. Мир, где нет правильных ответов, есть только выбор – и его последствия. Магия, политика, экшен, серая мораль и океан эмоций, от которых невозможно оторваться. Идеально для тех, кто любит, когда книга ломает сердце и заставляет думать». – Екатерина, букблогер, автор канала demkas_books

Понравится фанатам мюзикла «Эпик» и серии фильмов «Гладиатор».

Содержание

1. Мартовские иды 7
2. Где гнездится сокол 29
3. Право сильного 45
4. Наука тела 56
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Софья Шиманская
Триумф теней

© Шиманская С., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

1. Мартовские иды

Тит Корвин неторопливо шел по широкой улице патрицианских кварталов. Он с неудовольствием наблюдал за тем, как вышагивающий впереди консул Лив Тумулла запинается о собственное одеяние. Тяжелый подол тоги самого Тита колыхался над сандалиями, не задевая влажной мостовой.

Зима выдалась снежной, но она уже теряла власть. Теплое солнце мартовских ид плавило залежи грязного льда, и в воздухе стоял сладковатый прелый запах. Рабы крошили небольшие сугробы, спрятавшиеся в тени, выбрасывали снег на солнце и длинными щетками гнали лужи с дороги, расчищая путь господам.

Корвин свернул к Сенату, размышляя о том, что тога –

воистину самая благородная из всех одежд. Простое полотно без кроя и портновских ухищрений, но так меняет человека. Усмиряет и воспитывает. Тога учит сдерживать жесты, не размахивать руками, подобно рыночным торговцам. В ней походка становится степенной, а речь – весомой. Это одеяние не для девиц и не для плебеев – тога подходит только благородным мужам.

Оттого только горше, что многие совершенно не умеют ее носить. Одни шагают, обнажая ноги, словно рабы на арене, другие сутулятся и подпирают локтем край полотна, совсем как бабы с корзинами. В этих жалких потугах нет величия гражданина – только неуклюжесть актера, для которого костюм оказался тяжелее роли.

Тит Корвин умел носить тогу. Она никогда не сползала и не путалась, подчеркивая врожденное достоинство. Полотно ниспадало с плеча тяжелым и ровным гребнем, как и должно. Секрет совершенства, впрочем, был прост – раб закалывал тогу Тита булавкой под левым плечом.

Лив Тумулла запнулся о мокрый подол и едва не упал. Тит удержал его за локоть. Моложавое лицо консула, сохраненное когда-то Третьим Тавро, плохо сочеталось со старческой дрожью и сгорбленными плечами. Тумулла подслеповато сощурился, изучая стены, отделявшие патрицианские кварталы от города, охваченного бунтом. Он покачал головой. Из-за стен доносился приглушенный печатями галдеж, тянуло едким дымом костров и падалью. Казалось, у плебеев

не осталось иной заботы, кроме как ломиться в ворота патрицианских кварталов. Эти люди жаловались на голод: подвоз зерна в Эдес перекрыли из-за восстания на Нижних улицах, и теперь кормить семьи было нечем.

– Шум не дает мне покоя. – Тумулла капризно выпятил губу. – Быть может, дать плебеям пару повозок с зерном? Это отвлечет их хотя бы на время.

– Ни в коем случае. – Тит помог Тумулле выпрямиться и расправил балтей на его плече. – Чему мы учим народ, уступая его прихотям? Так мы лишь поощрим их стоять у ворот и дальше. Они воодушевятся и начнут требовать большего.

– Вчера чернь ворвалась в храм Деметры на Вирентинском холме. – Публий, который шел впереди, хмуро взглянул на Тита. – Они выволокли авгуров и принудили их совершить обряды над Мертвой Землей. А когда обряды не сработали, столкнули их в язву. Это безумие.

Тит похлопал его по плечу:

– Стоит упомянуть об этом в Сенате.

Шум нарастал тем больше, чем ближе они подходили к Палатинскому форуму. Тит видел, как Лив Тумулла все больше вжимает голову в плечи, словно желая спрятаться от вездесущих воплей. Авитус шел, поджав губы, и лишь едва заметно морщился. Тишина – роскошь и нега патрицианских кварталов – давно покинула их. Форум перед Эстасовой курией, где заседал Сенат, выглядел жалко.

Между колонн храмов ютились самодельные палатки и

навесы. Дети визжали, бегая друг за другом вокруг статуй. Рабы стирали хозяйское тряпье прямо в фонтанах. Маги Младшей Ветви сидели на ступенях величественных зданий – и все это походило больше на табор беженцев, чем на собрание граждан.

Впрочем, именно лагерем беженцев это и было. Старшая Ветвь милостиво открыла двери своей обители для младших братьев, чтобы защитить их от народного гнева. Братья повалили под защиту стен патрицианских кварталов, как крысы. Некоторые нашли покровителей в патрицианских домах и скрылись за дверями атриев. Сам Тит пригласил в свое поместье почти пятьдесят семей – теперь благодарные клиенты окружили его плотной стеной, чтобы он мог пройти через форум к Сенату.

Остальные же Младшие – сотни, тысячи их – жили здесь, у подножия курий, спали на соломе, кормились казенным хлебом и кашей.

– Корвин! – Вопли в сторону консулярской процессии раздались, стоило ему показаться на площади. – Ты запер нас здесь, а наши дома грабят за стенами!

Клиенты Тита теснее сомкнулись вокруг магистратов. Вспыхнули предупреждающие золотые искры. Один из толпы подлетел было к Тумулле – и ударился в барьерную печать, которую удерживали ликторы.

– Мы маги, а не чернь, – заорал он, захлебываясь, – мы не должны сидеть здесь, как попрошайки!

Толпа подхватила:

– Ваших клиентов принимают в атриях! А нас бросили под колонны!

– Наши лавки гибнут, пока вы кормите нас обещаниями!

Корвин шел неспешно. Он внимательно изучал толпу и искал взглядом народных трибунов. Их было трое. Каждый держал свой участок площади. Узнать их было легко: на тоге каждого виднелась пурпурная кайма – пусть сбившаяся, запачканная, но отчетливая. Один стоял на цоколе колонны, размахивая свитком. Другой – среди людей, окруженный двумя ликторами. Третий сидел на ступенях храма. Встретившись с ним взглядом, Тит улыбнулся ему одними глазами – и получил кивок в ответ. Это его человек. Они все чьи-то люди. У трибунов было право наложить вето на любой эдикт, принятый Сенатом, но пухлые кошельки заставляли народных избранников забывать об этом.

Кроме одного. И вот он был опасен. Одного его имени хватало, чтобы испортить настроение Титу Корвину на весь день. Тит обвел взглядом площадь и не нашел его. Кажется, у Белого Трибуна сегодня нашлись другие дела. Тем лучше.

– Господин! Принцепс! – сбоку раздался сдавленный крик. – Господин, услышь меня, прошу!

Тит повернул голову, но увидел только торчащую над головами руку с зажатым в ней свитком. Он замедлил шаг и кивнул свите, веля пропустить просителя – худощавого мага в серой тунике. Почтительность стоила награды.

– Я слушаю тебя, друг мой, – ласково сказал Тит, когда маг протиснулся к нему.

Тот поклонился, прижав кулак к груди, и тут же бросился к Титу, схватив его за рукав.

– Прочти, принцепс, – прошептал он, всем телом прижимаясь к Титу, и впихнул ему в руку измятый свиток. От мага несло кислым потом, голос его дрожал. – Прочти немедленно и без свидетелей!

– Сейчас не время для личных прошений, – напомнил Публий и забрал свиток из его рук. Он жестом велел своим ликторам увести мага и кивнул Титу. – Сенат и так зол на тебя. Не стоит задерживаться.

Тит лениво усмехнулся. Он отряхнул тогу и продолжил путь. Возмущенные возгласы летели им вслед.

– Это унижение!

– Верните наши дома!

Когда процессия приблизилась к ступеням курии, Тит остановился и обернулся к людям.

– Я слышу вашу боль и скорблю вместе с вами, – сказал он громко. Толпа притихла. – Каждый день промедления – удар по гордости нашей Республики. Граждане Республики не должны жить на положении рабов и спать под открытым небом. Быть может, Сенат наконец положит этому конец и вернет покой в наш город.

С этими словами он поднялся по ступеням. Площадь за его спиной закипела и взорвалась грохочущим ревом. Как и

требовалось.

Двери курии распахнулись. Здесь стоял иной гул – низкий и вязкий. Мраморные скамьи по обеим сторонам зала Сената были заняты. Голоса отражались от сводчатого потолка, тонули в завитках сливочного дыма из набитых хальфой трубок. Между рядами бродили толпы рабов с табличками и кубками. Один споткнулся. Раздались металлический лязг и приглушенная брань. Звук взмыл к потолку, вызвав возмущенное шипение сенаторов.

Публий прошел к курульному креслу, возвышавшемуся над сенаторскими скамьями. Тит Корвин двинулся следом. Ему, принцепсу Сената, отводилось место на правой стороне рядом с консулами. Ему же принадлежала честь начинать заседание.

Он подошел к скамье, но, вместо того чтобы сесть, развернулся к собравшимся и поднял руку.

– Уважаемые отцы! – Его голос прокатился по залу, ударился о каменные стены. – Мы здесь ради города. Ради его чести. И ради закона.

По лицам некоторых сенаторов скользнули неприязненные усмешки. Но съязвить никто не посмел.

– Бунт охватил уже треть города, – продолжал Тит. – Площади, где вчера кипела торговля, теперь полнятся крестами с распятыми магами. Воды Тисса бурлят от крови. Обезображенные тела граждан прибивает к берегам провинций в

Вечном море. Веками мы были гарантом мира и достатка на всем побережье. А теперь… – Он сделал паузу и медленно обвел зал взглядом, задержавшись на тех сенаторах, чьи латифундии лежали в Лираке, Котии и Сиазоне. – Не сегодня, так завтра наши союзники спросят: если Эдес не способен удержать порядок в собственных стенах, стоит ли чего-то его власть за их пределами?

Он замолчал. Дал слушателям время пороптать, обменяться взглядами и лишь потом продолжил:

– Эдес испещрен язвами Мертвой Земли. И с каждым днем промедления они растут. То, от чего мы так старались уберечь граждан, проникло за стены и разъедает нас изнутри.

– И чья же это вина? – Низкий голос прозвучал в левой части зала.

– Наша, друзья, – горестно ответил Корвин. – Мы были слепы. Талорские общины, словно паразиты, проникли в наш дом и подточили его основание. Талорцы! Талорцы держат оборону в сердце нашей Республики. Окружив себя бандитами и беглыми рабами, они заправляют на наших улицах. Война стоит не у нашего порога – она уже в нашем доме. А где же наша армия? Разве не долг легионов – защитить граждан? Разве должны старики, женщины и дети сами сражаться за свои дома?

Гул в зале нарастал. Сенаторы уже не шептались – они говорили в голос, перегибались через скамьи, перекрикивали

друг друга, стучали свитками по мрамору.

– Армия должна быть там, где идет война, и она уже здесь, – отчетливо произнес Тит. – Я вношу предложение: предоставить Гаю Корвину чрезвычайные полномочия и позволить его легионам войти в город для наведения порядка.

Зал взорвался криками. Кто-то вскочил на скамью, махал руками, другие сыпали проклятиями и требовали слова. Тит прикрыл глаза. Гул в зале сдавливал его грудную клетку. Это была истинная музыка Эдеса. И он задавал ее ритм.

Ликторы консулов шагнули вперед. Их фасции звонко врезались в пол.

– Тишина! – Голос Публия Авитуса прорезал гул, и постепенно сенаторы стихли.

Авл Овикула поднялся со своего места и вышел в центр. Невысокий и коротконогий, этот старый лис всегда напоминал Титу крестьянина, по недоразумению оказавшегося в курии. Балтей его тоги был перекинут через плечо и перекручен, словно веревка. Однако голос Овикулы заглушил шум зала.

– Предоставить полномочия Гаю Корвину? – произнес он, глядя на Тита в упор. – Какие громкие слова. Скажи прямо: ты предлагаешь возложить царский венец на голову своего брата.

Тит улыбнулся.

– Разве народ Эдеса должен страдать лишь потому, что

Гай родился в моей семье?

– Хватит прикрывать общественным благом свою жажду власти! – Зычный голос Авла загрохотал под сводами. – Каждый здесь, – он обвел зал рукой и повторил, – каждый помнит, что произошло, когда в Эдес вошли легионы Марка Агния. Мы помним проскрипционные списки и охоту за головами. Диктатура – вот чего ты добиваешься.

Он шагнул вперед, ткнув пальцем в сторону Корвина:

– Ты тот, кто должен был хранить величайшую тайну магии. Но ты позволил узнать ее мальчишке. Ты должен был казнить Луция Эдеру – но он все же жив. Долго ли ты, Корвин, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго ты будешь выдавать свою дерзость за добродетель? Сегодня ты требуешь чрезвычайных полномочий для брата. Завтра – захочешь венца для себя. Кто своим бездействием дал разрастись заразе, если не ты? И вот теперь ты сидишь среди нас, в этом зале, и имеешь наглость говорить о спасении Республики? Нет. Пока ты здесь, спасения не будет.

Тит бросил короткий взгляд в сторону консульских кресел.

Тумулла дремал, приоткрыв рот. Бесполезная рухлядь.

Публий следил за Авлом, подпирая пальцами подбородок. Он слушал его речь внимательно. Пожалуй, даже слишком. Эта чушь не стоила потраченного на нее времени. Авитусу стоило оборвать ее в самом начале.

– Громкие слова, Авл, – холодно произнес Тит и прибли-

зился к нему, заложив руки за спину. – Ты говоришь за других, словно знаешь их мысли. Так скажи – кто здесь не видел наших братьев, что подобно псам ютятся у дверей храмов и курий? Хочешь обратиться к ним, Авл? Выйди и скажи им, что лишаешь их шанса вернуться в свои дома. Если кто-то из вас может спасти Республику иначе, я не встану на его пути. Но пока я слышу только трусливые стенания и лепет.

Вопли собравшейся на улице толпы были слышны даже за закрытыми дверями. Тит позаботился о том, чтобы младшие служащие не заглушали их Печатями Тишины.

Тит спокойно вернулся на свое место и сел, вытянув ногу. Он бросил взгляд на Авла. На удивление, тот не выказывал никакого напряжения. Авл развернулся к Публию и поднял голову.

– Может, консулам есть что сказать? – спросил он с мягкой улыбкой.

Лив Тумулла всхрапнул.

Публий долго осматривал Сенат. Он задерживал взгляд на тех, кто продолжал шуметь, – и ждал, когда те, заметив его ожидание, закроют рты. Наконец, когда последние шепотки стихли, он поднялся со своего кресла.

– Мы в кризисе, – негромко сказал он. – Не было в истории Республики более темного времени. Некогда искать виновных и вспоминать о дне вчерашнем, иначе мы рискуем не дожить до завтрашнего. Однако… – Публий остановился и отрешенно посмотрел на Тита. Серые глаза глядели слов-

но сквозь принцепса. – Однако нам все же стоит учиться на уроках прошлого. Диктатура недопустима. Если Гай и войдет в город, он будет действовать только в качестве моего легата. Я смогу за него поручиться.

– Он безумец! – Выкрик неожиданно раздался с правой стороны зала, где располагались сторонники Тита. Тот нахмурился. – Гай – полуварвар!

Авл поднял руку, призывая Сенат к тишине. Несколько мгновений он смотрел на Публия, затем медленно повернулся к Титу.

– Ты утверждаешь, что лишь твой брат способен остановить восстание. Быть может, так и есть. Император… во всем Эдесе не найдется человека с равными воинскими талантами. – Авл двинулся вдоль консульского постамента, кивая самому себе. Тит следил за ним, не отводя взгляда. – Прав ты и в другом: народ не должен страдать лишь потому, что твои грехи тенью лежат на твоем брате.

Он остановился прямо перед скамьей Тита Корвина.

– Я предлагаю тебе сделку, Тит, – громко произнес он. – Твое имя тяготит Республику, и закон чахнет под его тяжестью. Откажись от места принцепса. Дай клятву перед богами и Сенатом, что уйдешь на покой и больше не объявишься в Эдесе. И тогда я поддержу ввод войск в город. Докажи, что готов спасти Республику этой малой ценой.

За спиной Тита завозился раб, послышался звон металла. Корвин раздраженно махнул рукой – ему было не до вина.

– Уйти? – уточнил он негромко, но слово прокатилось под сводами. – Бежать из города, когда враг хозяйничает на наших улицах? Это значит не спасти Республику, а похоронить ее.

Авл Овикула опустился перед ним на одно колено. Тит чуть отодвинулся, расправляя плечи.

– Прошу тебя, – сказал Авл так, что слышал только он, – ты проигрываешь. Отступись.

– Жалкий шантаж, Авл. Ты можешь лучше.

– Не могу. Прости, друг.

Овикула склонил голову и сжал в кулаке подол его тоги.

Тит смотрел на его рыжую макушку. Он не сразу заметил, как тихо сделалось вокруг. Сенат молчал. Позади снова послышались возня и металлический звон.

Тит Корвин не сразу понял, что с таким звуком нож покидает ножны. В следующий миг в позвоночник будто влили расплавленную медь. Тело непроизвольно изломилось. Из груди вырвался тонкий, едва слышный хрип. Это лезвие вошло между лопаток. Провернулось и выскользнуло. Больно. Невыносимо больно.

Тит рванулся было вперед, но завалился набок, запутавшись в собственном подоле. Еще удар. Острие кинжала скрипнуло о ребра. Тога распахнулась, ткань неряшливо свесилась. Булавка, удерживающая ее, звякнула об пол. Звон прозвучал как издевка. Зал тихо и как-то рыхло заскулил. Голоса сенаторов сливались и звучали неразличимо.

Тит запрокинул голову и увидел грязное лицо раба. Одного из тех, кто таскал за ним свитки. Под жесткими скулами прокатывались крупные желваки. Он дернул Корвина за ворот и вонзил кинжал ему в живот.

– За Луция Эдеру, ублюдок, – прошипел он и отшвырнул Тита на пол.

Тит Корвин хотел подняться. Ладонь наткнулась на чужую сандалию, соскользнула на пол, размазывая кровь. И он растянулся на полу.

– Ави… – хрип заклокотал в горле, – Авитус…

Сквозь туман перед глазами он видел сенаторские скамьи и лица своих соратников. Они не двинулись с места, только ворочались на скамьях, хлопали рукавами и клекотали, как растревоженные птицы. Кто-то натягивал край тоги на лицо, чтобы не чуять запаха крови. Не вспыхнуло ни одной искры печати. Друзья и союзники отводили взгляд. Никто не собирался исцелять его. Бесполезные, какие же бесполезные…

Авл Овикула стоял возле консульского постамента. На белой ткани тоги горели несколько капель крови.

– Тому, кто привык попирать закон, закон не станет защитой, – произнес он громко, а потом понизил голос, шагнув к Титу: – Тебя стало слишком много, Корвин. Так всем будет лучше.

Тит Корвин судорожно втянул воздух и пополз мимо него к постаменту. Руки проскальзывали по крови, холодели с каждым движением. Тит искал взглядом своих людей. Пет-

роний, Кальвин, Солемн… Авитус. Мальчишка из семьи сновидца, который всем был ему обязан. Его личное творение на самом коротком из поводков.

– Авитус…

В серых глазах Публия Авитуса всегда сложно было прочесть эмоции. Сейчас он сидел, откинувшись в курульном кресле, и отрешенно смотрел сквозь принцепса. А потом, словно очнувшись, тяжело вздохнул и отвернулся.

– Идем, Лив. – Публий поднялся и положил руку на плечо мечущегося в своем кресле Тумуллы. – Не стоит тебе смотреть на это.

– Что происходит? – растерянно спросил тот.

– Политика, Лив. – Публий помог старику встать и, поддерживая под локоть, повел его прочь. – То, чем она обычно заканчивается.

Тит Корвин упал лицом в пол.

Он видел уродливые, мозолистые ноги окруживших его рабов. Пахло мерзко. Но это длилось недолго.

Принцепс Сената умер, растянувшись на полу Эстасовой курии. Теплое солнце мартовских ид, пробившееся в узкий потолочный проем, розоватыми бликами лежало на залитом кровью белом мраморе.

* * *

От грубо сколоченной двери пахло свежей краской – ртутью и серой. Киноварь еще не успела схватиться. Когда Публий толкнул створку, на ней остались отпечатки, а на пальцах – алые следы.

Публий на мгновение остановился, отрешенно разглядывая их, а потом шагнул внутрь помещения. Пока он расчерчивал барьерную печать, ему казалось, что и ее искры отдают красноватым свечением. Разумеется, это были просто отблески от стен.

И все же.

– Он мертв, – тихо сказал Публий.

Гай не обернулся.

Он сидел возле грубо сколоченного письменного стола, спрятав лицо в руках. Гай не двигался, но Публий понимал, что он услышал его слова. Он уже знал о смерти брата. Об этом говорили глубокие царапины на стенах и разбитая мебель.

Лагерь возвели недавно, дерево еще было влажным. Вскрытое и израненное, оно пахло смолой, а смола смешивалась с острым запахом вина. Он бил в голову и щипал нос так, что дышать становилось тяжело. На полу валялись черепки разбитых амфор. Темно-красные лужицы собрались в глубоких следах от калиг, стекали к перевернутому триподу

и покрывали разбросанные фалеры.

Публий бесшумно прошел в центр палатки и поднял валяющийся на земле стул. Установил более-менее ровно, присел на край. Стул жалобно скрипнул – одну из ножек расколола глубокая трещина. Публий аккуратно перенес вес тела на противоположный угол и сложил ладони на коленях. Он скользил глазами по разгромленной обстановке, пока не наткнулся на собственное отражение в мутном бронзовом зеркале.

Отражение глядело на него устало и растерянно.

– Получается, я теперь сирота, – сипло сказал Гай.

– Тит не был твоим отцом, – механически отозвался Публий, – и он не усыновлял тебя. Ты сирота с пятнадцати лет.

– Заткнись.

Гай сжал лицо руками. Вывернул их так, что запястья едва не хрустели, уперся в глаза основанием ладони и давил, давил – так, что побелела кожа. Публий молчал, давая ему время.

Есть вещи, которые должны быть сделаны. Страдающего от предсмертной агонии лучше убить. Изъеденную гангреной конечность раненого следует отрезать. Охваченный моровым поветрием город – сжечь или оградить частоколом, чтобы болезнь не вырвалась.

Истлевшую власть – свергнуть.

Есть вещи, которые просто нужно сделать – но никто не берется. Публий никогда не боялся ответственности. Еще в

юношестве он стал тем, кто оказывал престарелым рабам в поместье последнюю милость, когда отец говорил, что не желает становиться убийцей. Отец считал себя милосердным, но это Публий был тем, кто делал, что должно, – и принимал последствия.

Раздался грохот. Публий вздрогнул, но не шелохнулся. Гай поднялся, пинком отшвырнул скамью, на которой сидел. Он бросился к Публию и вцепился в его плечи.

– Ничего не осталось, – просипел Гай, нависнув над ним, – от моей семьи ничего не осталось!

Он тряхнул Публия, как соломенное чучело, вцепился в тело так, что по рукам побежал холодок.

– Да.

Пальцы Гая разжались. Ладони беспомощно скользнули вниз. Он тяжело упал на колени перед Публием и вжался лбом в подол его тоги. Молчал. Молчал долго – тяжело дышал, мял пальцами белую ткань, пачкал ее вином и землей. Публий почти физически ощущал распирающий его бессильный гнев. Он был готов к тому, что Гай может его ударить. Такого никогда не случалось раньше – Гай не раз в щепки разносил кабинет Публия, но и пальцем не касался его самого.

Впрочем, никогда прежде Публий не участвовал в заговоре против его брата.

Гай поднял голову:

– Как это произошло?

– Его убили в Сенате во время заседания.

– Зрелищно.

– Весьма.

– Квинту свернули шею в подворотне, как больному щенку. Ливию убили в собственной постели. Хоть кто-то из моей семейки отправился на тот свет с помпой. – Гай мрачно усмехнулся. Публий не ответил ему, а он этого и не ждал. Снова спрятал лицо в складках тоги. – Он был подонком. Сам нарвался. Сам виноват.

Публий прикрыл глаза. Прямо за дверью слышалась чья-то ругань – то ли кому-то не хватило воска для калиг, то ли обмоток. Снег вперемешку с дождем бился о кровлю, пропитывал изрытую почву лагеря, ручьями стекал под стены дома командующего, размывая винные лужи. Засвистело в незаконопаченных щелях в стенах, и в воздух поднялся запах грязи и вина.

– Ты пил?

– Нет. Разбил все. – Гай выпрямился и уперся руками в колени Публия, пачкая их землей и влажными разводами. Стул качнулся. – Ты сам-то как?

Публий взглянул на свои руки. На фоне серо-черной земли, смуглой кожи Гая, его сизой от пыли туники, забрызганной вином, они казались очень белыми.

– Никак.

Если не считать престарелых рабов, Публий Авитус никого не убивал до этого дня. И сейчас формально его руки

остались чистыми. Однако нет ничего глупее, чем верить в собственную ложь.

Публий убил Тита Корвина. Пусть чужими руками, заметая следы, но он убил своего патрона. Человека, который двадцать лет назад взял его – первого из Авитусов, кто отказался от жреческого поста и пошел в политику, – под крыло. Тит всегда говорил, что в государственных делах не место сантиментам. Он шутил, что его младший брат слишком труслив для Сената и потому выбрал карьеру полководца, ведь она куда чище политической.

Так стоило ли Публию винить себя за то, что он был хорошим учеником?

Публий не испытывал ненависти к Титу. Жалость – быть может. Немного разочарования. Власть действует на людей как вино или маковое молоко. Ее не должно быть слишком много. Ее нельзя удерживать долго, иначе она размягчит разум. Когда-то тонкий дипломат и человек незаурядного ума, Тит Корвин слишком пристрастился к ней. Власть развратила и погубила его задолго до того, как наемник заколол его на глазах у Сената.

Публий не скорбел по Титу. Но Гай… Гай – это совсем другое дело.

– Тит будет похоронен по всем правилам. Шествия, маски, склеп. Я договорился с Сенатом, чтобы тебе дали официальное разрешение находиться в Эдессе, несмотря на военный империй.

– Я не приду.

– Гай, это твой брат.

– И что? Я и на похороны отца не явился.

Опираясь всем весом на его ноги, Гай все глубже вдавливал ножку стула в рыхлую землю и, даже стоя на коленях, оказывался выше его. Раздался треск. Публий успел подняться со стула прежде, чем ножка подломилась. Гай не двинулся с места. Он стоял на коленях перед Публием.

– Останься здесь, – потребовал он. – Хочешь, чтобы я скорбел, так давай этим и займемся. Вино еще осталось.

– Гай, мой патрон только что погиб. А если люди решат, что я бежал из города? – вздохнул Публий. – Мне нужно быть там.

Разговаривать, увещевать, объяснять. Консул не может исчезнуть после смерти принцепса Сената. Публий сделал что должно и обязан был разобраться с последствиями. Он взрезал нарыв на теле государства, но если не вычистить гной, неизбежно поползут новые язвы.

Гай дернул Публия за запястье, вынуждая склониться над собой.

– Если ты не дашь мне хотя бы этого, клянусь, я возьму Эдес штурмом, – проговорил он негромко. – Вырежу каждого сенатора, чтобы не осталось людей, о чьем мнении стоит печься. Ты убил моего брата – и ты будешь здесь, потому что, кроме тебя, у меня никого не осталось.

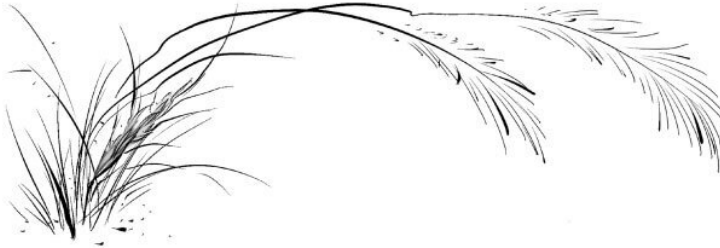
Гай не отводил от него взгляда – золотые глаза сверли-

ли Публия, топили в обжигающей лаве. Что ж, в конце концов, консул обязан спасти Республику от кровавой расправы. Публий покорно кивнул и оглядел разгромленную ставку.

– Останусь до полуночи. И здесь нужно убрать.

2. Где гнездится сокол

Луций сосредоточился, скользнул языком по губам и медленно подцепил пространство кончиком пальца. Рука почувствовала натяжение. Пространство тихо гудело. Луций уже привык к черному контуру печати, рождавшемуся под его пальцами. Линия выходила плавной – угольная пыль не роилась вокруг нее, подобно мошкаре, лишь немного размывая гладкие края.

– Защипни сильнее. – Она обхватила его запястье и надавила на руку. – Ну что ты нежничаешь?

– Куда сильнее? – возмутился Луций, за что тут же получил беззлобный шлепок по затылку. Он тряхнул рукой. Черная пыль опала на землю и покрыла влажную траву.

– Чему вас только учат! – Она закатила глаза. – Печати похожи на струнный инструмент. Об этом нельзя за-

бывать. Чем сильнее оттягиваешь струну, тем больше резонанс. Ты никогда не держал в руках кифару?

– Нет.

– Позор на мою голову. – Она вздохнула и, приобняв Луция за плечи, легонько тряхнула его. – Обязательно научись. Это поможет. Магия – это музыка.

Луций ссутулился и погрузил босые ноги в теплую воду в старом фонтане, который давно не работал. Луций когда-то предлагал дяде починить его, но тот сказал, что фонтан прекрасен именно таким. Во дворе виллы пахло стоялой водой и ирисами. Луций болтал ногами, разгоняя кружевную тину на поверхности воды. Ивовые ветви щекотали плечи. А может, это были ее волосы.

Он царапал воздух кончиком ногтя. Надрывал его. Легонько – только чтобы почувствовать на коже легкую вибрацию и окутать пальцы невесомой темной пылью. Он скучал по этому ощущению. Здесь он мог позволить себе скучать по нему.

– Что мне с той кифары, талорцев развлекать? – пробубнил он, спрятав лицо в локте. – Магии Искусства я давно лишился.

– И что с того?

– Нет смысла тратить на это время.

Она обхватила его голову ладонями, заставила выпрямиться и посмотреть на себя. Луций поднял взгляд неохотно.

– Луций Эдера, – строго произнесла она, – я не хочу слышать от тебя подобных речей. Если есть в мире истина, то она такова: не бывает бесполезного знания. Что толку людям смотреть на звезды, ведь до них не добраться. Но корабли ходят по морям лишь благодаря тому, что кто-то изучил их. Магия – это музыка, музыка – это математика, математика – это гармония природы. Познав ее, ты поймешь бытность человека и его историю, а разобравшись в ней – познаешь изящное искусство. Знание – единственное, к чему стоит стремиться.

– И куда нас с тобой привело желание все знать?

Госпожа Тибия усмехнулась.

– Не бывает бесполезного знания, – повторила она, – но чем выше его ценность, тем дороже оно обходится.

У матери были кварцево-серые глаза. Светлых прожилок радужки было так много, что они казались светящейся изнутри дымкой. Луций смотрел в них и думал, насколько лживы портреты. С них мать всегда смотрела на него с нежностью и сентиментальной тоской. Но вряд ли эта женщина вообще умела тосковать.

Он отвернулся и вгляделся в покачивающуюся на воде тину. Стоило чуть сконцентрировать внимание на переплетении мелкой зелени, как она начинала расплываться перед глазами и ускользать. Мгновение – и он уже смотрел на чистую бирюзовую воду. Видел на дне фонтана монеты и мелкий мусор. Приглядишься к нему – и он тоже исчезнет.

– Почему ты не приходила раньше?

– Потому что за звоном не слышно тишину. – Тибия погладила тонкие контуры Тавро Сновидений на загривке Луция. – Братец оставил мне лазейку, но ты ведь никогда не спал так, как следует сновидцу. Ты слишком беспокойный.

– Он никогда не говорил мне! Если бы я знал…

– Вот, – Тибия щелкнула его по лбу, – поэтому так важно знать. Тиберий никогда не разделял этой философии, впрочем. Он злится на меня и имеет на это право. Но он заботился о тебе. Этого достаточно.

– Нет, недостаточно.

Тибия промолчала. Луций поежился и привычно потянулся к Пятому. Но Пятый спал. Серебристая змея плотно обвила горло Луция и устроила голову на его плече. В ответ на его касание она лишь плотнее сжала кольца. Дышать стало труднее.

Луций обхватил плечи руками и зажмурился.

– Холодно, – пожаловался он, – мне все время холодно.

Тибия обняла его и прижала к груди. Лучше не стало.

– Знаю, дорогой.

* * *

Тишина давила на уши. Густая, липкая, как каша, она забивалась в щели комнаты, облегала и стискивала пространство. Лампады мерцали – в них горели фитили, но без трес-

ка пламени огонь казался фальшивым. Все казалось фальшивым. Как понять, что ты еще жив, если не слышишь собственного дыхания?

Марк пришел в себя, издав хриплый стон. Он закашлялся и едва успел повернуться на бок, прежде чем его вырвало. Сквозь выступившие на ресницах слезы Марк видел, как черная масса медленно впитывается в плотный цветной ковер. Тело не слушалось: каждый раз, когда Марк выныривал из забытья, оно отторгало его, как глуповатый пес, который забывает хозяина, стоит тому выйти за порог. И всякий раз Марку стоило усилий возвращение власти над собой.

Переварив приступ, Марк поднялся на колени и сплюнул вязкую слюну. Он поклялся больше не прикасаться к пище. Если желудок был пустым – тошнота после обморока быстрее отступала, а от постоянной рвоты кровила глотка и каждый вдох причинял боль. Удастся ли ему умереть от голода? Вряд ли. В этом доме был слишком радушный хозяин.

Оступившись, Марк зацепился за край стола, заставленного блюдами. Он нашел на ощупь чашу и жадно проглотил все, что в ней было.

– Сайна годами делала ставку на Корвина, – раздался голос, и Марк невольно поморщился, – и как перевернула игру! Достойно.

Марк поднял голову.

Луций Эдера сидел, скрестив ноги, в огромном кресле из красного дерева и задумчиво постукивал пальцем по вычур-

ному резному подлокотнику.

Раньше Марк вздрагивал всякий раз, когда слышал этот легкий, упругий тембр. Но этот человек говорил так много, что Марк успел к нему привыкнуть. Его манера говорить сильно отличалась от манеры Луция, которого Марк знал с детства. Его интонации, паузы, вдохи…

Эдера-старший говорил сально, с почти карикатурным придыханием, как актер в дешевом спектакле. От его речи хотелось отмыться. Луций никогда бы не позволил себе такой пошлости. Ничто не роднило Эдеру-старшего с его сыном.

– Думай молча, урод, – просипел Марк. – Не наговорился с сукой, которая меня пользует?

– Мне жаль доставлять тебе эти неудобства, но неужели ты не хочешь узнать, что происходит в столице? – Эдера-старший оживился. Его тон ясно говорил, что жаль ему совершенно не было. – Сайна как-то намекнула Сенату, что Корвин стремится к царской власти, и сенаторы решили избавиться от Корвина самым простым путем. Она, конечно, говорит, что не имеет к этому отношения, но… когда ведьмы говорили иначе?

Эдера-старший смаковал каждое слово, даже не глядя на Марка. Он покачивал головой, словно следуя такту слышной одному ему музыки. Зачесанные назад редеющие кудри поблескивали маслом в свете лампад.

– Бедный, бедный Тит. Тибия всегда говорила, что хан-

жество и высокомерие не доведут его до добра. Нет, нельзя смотреть на женщин свысока. Моей жене всегда был больше по душе младший из Корвинов. Квинт, кажется. Сообразительный мальчишка, – он улыбнулся, прикрыв глаза, – ему хватало ума учиться у Тибии.

– Я убил его, – осклабился Марк, – свернул ему шею. Как курице.

Ему хотелось вызвать у этой паскуды хоть какую-то реакцию. Но Эдера-старший только легкомысленно хмыкнул:

– Я бы запретил убивать талантливых людей. Разум – высшая форма магии.

«Я убил Квинта, чтобы спасти твоего сына», – хотел сказать Марк, но вряд ли это могло стать весомым аргументом в разговоре с безумцем.

Марк поднялся. Ноги онемели, и теперь кровь обжигала их изнутри. Захотелось снова сесть, но Марк не стал. Вместо этого он снова наполнил и осушил чашу, чтобы окончательно смыть с языка приторный вкус зенийской гнили, и окинул взглядом стол. Щучья икра на тонких ломтях репы. Мозговая кость с грибами и маслом. Разорванная на волокна оленина с темным горьким медом. На смену тошноте пришел голод. Марк переводил взгляд с одного блюда на другое, силясь вызвать в себе отвращение. Все деликатесы одинаковы, когда выходят наружу.

– Ставлю на то, что Эдес не доживет и до конца этого года. – Эдера не затыкался. Его бодрый голос прорезал ти-

шину, вился в круглых каменных стенах и бил Марку по ушам. – Я посоветовал кагану напасть на самого слабого союзника Республики – Вилед. А когда Вилед падет, Тенхо будет вынужден пойти вглубь Республики, потому что войско Гая ввяжется в битву. Тенхо слушает меня, и пока это для него большое благо. У Эдеса не хватит сил вести войну на собственной территории.

– Мы давно ждали прорыва в Виледе, кретин. – Марк сплюнул в сторону и поежился. В огромном зале стоял сырой холод. Огня в очагах едва хватало, чтобы прогреть воздух, но не толстые каменные стены. – Легионы заблокируют Орду. Можешь попрощаться с талорской армией.

– Конечно, вы ждали прорыва Орды, – Эдера взглянул на него с легкой улыбкой, – но ваш план не учитывал восстания в Эдесе и падения Йорда, ведь так? Беспорядки заразны, как оспа. Нарывы множатся. Северные племена уже почуяли слабость гегемона. Слышал про резню в Аксте?

Он сделал паузу, ожидая ответа. Марк не хотел подыгрывать светской беседе. Но так было нужно.

– Это в Газаре? – спросил он.

Эдера кивнул:

– Газарцы убили каждого, кто был похож на эдесца. Котийцы, сатвы… вырезали всех, кто не носил штанов. – Он усмехнулся. – Как забавно. Сколько раз сатвы бунтовали, требуя прав эдесских граждан, но мы упорно отказывались считать их равными. У народа Газара куда более широкие

взгляды.

– Мы? Все еще считаешь себя частью Республики? – Заложив руки за спину, Марк двинулся в обход стола широким кругом. – Ты изгнанник, преступник и предатель. Не смей смеяться над теми, кого ты сам обрек на гибель.

– Ну-ну, – Эдера тепло улыбнулся, – так уж ли сам? Отец не должен присваивать достижения сына.

Марк сжал затекшие пальцы и невольно проследил за взглядом Эдеры-старшего.

Луций сидел на краю широкой скамьи, сложив на коленях руки. На нем была тонкая светлая туника, перехваченная золотой цепью вместо пояса. Запястья украшали тонкие наручи. Туника была велика ему – широкий ворот едва держался на плече. Стоит Луцию двинуться – и он соскользнул бы.

Но Луций не двигался. Он лишь зябко подрагивал. По гусиной коже, побледневшим губам и движениям изуродованного шрамами открытого горла можно было понять, что Луций был не галлюцинацией и не статуей, а живым человеком.

Эдера-старший поднялся. Обогнув стол, он подошел к сыну и ласково потрепал его по обрезанным волосам. Луций качнулся. Ворот все же соскользнул. Отец бережно вернул его на место.

– Тебе стоит поесть. – Он длинной ложкой зачерпнул порцию оленины и положил в тарелку Луция. – Мясо сегодня приготовлено отлично.

Марк не выдержал, отвернулся.

– У твоей подлости вообще есть пределы? Это же твой сын!

– Я горжусь сыном, – улыбнулся Эдера-старший. – Когда Тиберий отнял его у нас, я боялся, что уже не смогу его увидеть. Мне так хотелось наблюдать за Луцием, хотя бы издалека. Но мой шурин слишком… проницателен. Он дал мне понять, что смерть встретит меня в то самое мгновение, как только я окажусь на улицах Эдеса.

– Могу его понять, – сквозь зубы произнес Марк. – Ты больной.

Эдера-старший только пожал плечами. Тяжелая шуба из лоснящегося лисьего меха блеснула голубым отливом.

За время, проведенное в заключении, Марк успел понять главное: этот ублюдок был болтлив как сатир – и настолько же безумен. Эдера-старший по большей части говорил не с Марком. Он говорил в его присутствии, не слишком заботясь об ответах. Это давало свои преимущества. Главное заключалось в том, что Марку не приходилось тратить силы на учтивость.

Марк отступил на несколько шагов и принялся разминать кисти рук, чтобы вернуть им чувствительность. Он нарочито внимательно разглядывал золотое кружево на куполе зала и сложный витраж из слюды в его центре. Эдера-старший тем временем запрокинул голову Луция и вгляделся в тусклые синие глаза. Неодобрительно покачав головой, он извлек небольшую шкатулку для благовоний и, подпалив тонкую

лучину от ближайшей лампады, раскурил в шкатулке белый дым. Дым тут же окутал лицо Луция.

Ему было больно. На равнодушном лице не дрогнул ни один мускул. Но Марк отчего-то знал, что Луцию было больно.

– Не понимаю, чего ты добиваешься, – процедил он, – вы же на одной стороне. Он шел по твоим стопам, он вел войну с Эдесом. Чего ты хочешь?

Эдера-старший похлопал сына по плечу и поставил шкатулку рядом с ним.

– Я хочу остановить рост Мертвой Земли. – Вернувшись на свое место, он встряхнул пустую чашу и принялся деловито расставлять перед собой небольшие баночки с мелкой и очень сложной росписью. – Я горд тем, что Луций продолжил мое дело, но его место здесь, с семьей. Мир небезопасен, а он слишком беспечен. Я не могу подвергать его опасности.

Достав из мешочка какой-то камешек, Эдера перетер его в ладонях. Ссыпал пыль в чашу, понюхал пальцы и сморщился. Марк медленно двинулся к нему.

– Ты себя слышишь?

– Мертвая Земля. Глупое название, не находишь? – невпопад произнес Эдера и взял со стола изогнутый кинжал. Умело прокрутил его в пальцах. Марк напрягся – но хозяин дома всего лишь выудил из банки с его помощью какую-то влажную дрянь, похожую на червя. – Мертвая Земля. Очень… топорно. Мы называли это тенью Изнанки.

– Кто «мы»?

– Мы с женой, разумеется, с Тибией. – Он хмуро посмотрел на Марка. Тот остановился. Эдера выпрямился, покачал кинжалом и вдруг усмехнулся. – Видишь ли, все началось с трех ошибок, которые мы совершили. Первой стало наше высокомерие. Мы наивно полагали, что знаем природу магии и можем найти ее источник. Это привело к катастрофе в Старом Тале, а я… – он осекся и уставился на что-то поверх плеча Марка, – а я лишился Тибии. Даже когда она рядом, я не слышу ее. Я двадцать лет не слышал ее.

Марк сделал еще шаг. Блики на лезвии клинка Эдеры отливали торбенитовой зеленью. Марк видел это оружие прежде. Оно принадлежало Луцию. Если сделать шаг и ударить Эдеру под локоть, он выронит клинок. Марк его перехватит. Полоснет урода по горлу. Четыре коротких движения. На три больше, чем он мог себе позволить.

Эдера, словно очнувшись, тряхнул головой и острием подцепил красноватый порошок из очередной банки.

– Страх потерять ее окончательно ослепил меня, – продолжил он, – и я совершил вторую ошибку. Предположил, что Сенат внемлет моим мольбам и остановит использование магии. Вышло глупо. Мой сын оказался сообразительнее.

– Он погрузил Эдес в хаос, – уточнил Марк.

– Именно. Простое и красивое решение. Такое приняла бы Тибия, она куда умнее меня. Я счастлив видеть ее искру в нашем сыне.

Марк невольно перевел взгляд на Луция. Он не отреагировал. Смотрел в пустоту и механически пережевывал мясо.

Если искры в нем и были, Марк не видел больше ни одной.

Эдера пальцами зачерпнул зеленую массу из миски и принялся разминать кашицу на дне чаши. Марк неторопливо обошел его и присел на подлокотник кресла. Руки следовало расслабить. Скользить взглядом по столу, не останавливаясь ни на чем конкретном. Особенно – на небрежно оставленном на краю кинжале.

– Я слишком поверил в молодого кагана – Тенхо. – Поджав губы, Эдера покачал головой, не отвлекаясь от своего занятия. – Талорская мощь меня очаровала. Я надеялся, что Орда разрушит Эдес и засыплет его земли солью так же быстро, как она покорила Север. Злость и презрение к Республике вынудили меня принять желаемое за действительное. Я хотел видеть Эдес развращенным и слабым, однако я ошибся. Снова. Двадцать лет войны и сотни новых язв стали мне уроком. – Он задумчиво постучал ногтем по столу и вдруг вздрогнул всем телом. – Впрочем, и это теперь в прошлом. Сейчас Эдес пожирает себя сам, а моя семья наконец воссоединилась.

Он вытер грязные пальцы о подол туники. Перегнулся через стол, чтобы дотянуться до кувшина, который Марк оставил возле своего места, – и в этот момент Марк схватил кинжал и полоснул его по горлу.

Почти.

Лезвие застыло в дюйме от яремной вены. Марк вскрикнул. Его рука взорвалась болью. Каждая вена разбухла, проступила чернотой из-под кожи. Кинжал выпал из пальцев и со звоном упал на блюдо с олениной. Капли мясного сока брызнули на одежду – а в следующую секунду Марк сам схватил себя за горло.

У него была сильная хватка. В легионе у солдат была игра – кто сможет сломать самую плотную вязанку хвороста. Марк всегда выигрывал. Годы тренировок и глупого хвастовства превратили его руки в смертельное оружие.

Смертельное оружие теперь принадлежало Сайне. Марк всегда проигрывал гнили в своих венах.

Шея налилась болью. Во рту появился солоноватый вкус. Эдера невозмутимо залил воду в чашу и размешал пальцем бурую жижу на дне.

– Всю свою жизнь мы посвятили магии. Разным ее формам. Тибия всегда отлично слышала ее звон, я же сосредоточился на том, что касается плоти. – Он понюхал получившееся зелье и, достав из поясного мешочка небольшой пузырек, добавил в чашу каплю густой, темной, как смола, крови. – Зен и Тиришар. Они так далеко друг от друга, но принципы их сил похожи по своей природе. Подобной болтушкой ловчие укрепляют связь со своими питомцами.

– Ты наглухо больной ублюдок, – прохрипел Марк. – Лучше убей меня.

– Так вот, я долго экспериментировал с сочетаниями, –

с энтузиазмом продолжил Эдера. – Не буду вдаваться в подробности состава, он не слишком аппетитный, но отлично помогает крови Лона дольше удерживаться в теле. Сокращает расход. Ведьмы до сих пор благодарны мне за этот рецепт. В этот раз я добавил лимонник, чтобы не было так приторно. Будь добр, выпей.

Марк бессильно наблюдал за тем, как его собственные руки приняли напиток. За несколько месяцев он так и не смог до конца привыкнуть к этому ощущению. Не знал, как объяснить, каково это – когда губы размыкаются против твоего желания. Как горло совершает глотки, которых ты не хотел. Пустое забытье было отвратительным. Но каждый раз, когда Сайна демонстрировала власть, пока Марк был в сознании, – это было во сто крат хуже.

Зелье кончилось, и чужая воля рассеялась. Руки и горло чесались изнутри так, что хотелось вывернуть себя наизнанку. Марк уперся ладонями в пол, с ненавистью глядя на собственные пальцы. В густой, обволакивающей тишине он слышал только пульс, колотящийся в ушах.

– Аэд придет за ним, – выдохнул он. – За мной некому приходить, но за ним… рано или поздно Аэд явится. Он прикончит тебя. Раз я не могу.

Эдера тщательно вымыл руки в тазу и, зачесав влажными ладонями растрепавшиеся кудри, присел возле Марка.

– Аэд… – протянул он. – Я позаботился о том, чтобы молодой хан не докучал Луцию своим обществом. Сейчас он

увлечен карательным походом против старшего брата. Они займут друг друга на время. А потом… – Он с улыбкой кивнул на высокое полукруглое окно. – Даже каган не знает, где гнездо его сокола. Признай, никому не пришло бы в голову искать меня здесь.

Марк измученно проследил за его взглядом.

За окном был все тот же пейзаж. Бескрайний черный ковер, покачивающийся в безветрии. Мертвая Земля на тысячи миль вокруг. А над ней – черные горы Старого Тала.

3. Право сильного

Истошные вопли запертых в ловушке людей оборвались разом – на верхней ноте. Их заглушил рев пламени и треск лопающейся глины. Полукруглое строение, похожее на печь, в каких горцы готовят мясо и хлеб, не выдержало жара. Белое Пламя стиснуло его и схлынуло, послушно следуя за рукой Аэда.

Белые всполохи раздирали темноту, устремлялись к ночному небу. Огненный вихрь стелился над дорогой на почтительном расстоянии от хозяина. Новую одежду в дороге достать сложно. Орхо старался беречь ту, что была на нем. Теперь, когда ничто не сдерживало Белое Пламя, оно больше не норовило раскалить прутья собственной клетки и прорваться сквозь кожу. Сдержанность всегда дорого обходи-

лась Орхо. А толку от нее было немного.

Стан Морхата сгинул в огне. Над владениями приближенного нойона кагана плыли клубы горького дыма. Воздух пах взрытой землей и тлением сырой травы. Пламя восторженно гудело. В этом гуле тонули крики еще живых людей. Орхо шел лабиринтами улиц, огибая огненные жилы, ползущие по расколотой земле, – запасных сапог у него не было. Дорога привела его к холму. Орхо остановился у подножия. На возвышении располагались палаты нойона.

Губы Орхо тронула усмешка. В ходе захвата северных земель талорская знать завела традицию строить свои дома поверх курганов, где были похоронены те, кто погиб при взятии городов. Так они подчеркивали, что власть принадлежит им по праву. Праву сильного, разумеется.

Что ж, закон силы плох тем, что всегда найдется кто-то сильнее.

Пламя взвилось за спиной Орхо. Воздух затрещал. Отблески огня плясали на стенах нойонского дома, выхватывали его из ночной мглы, и от этого казалось, что он уже охвачен пламенем. Во дворе мельтешили человеческие фигуры.

Стоило Орхо ступить на холм, как кольцо шипов взмыло из-под земли, едва не пронзив его. В эту же секунду с неба обрушился град смоляных ядер – последняя глупая попытка защититься. Первый мгновенно пожрал снаряды, взмыв вверх столбом пламени. Орхо скользнул носком по земле, заставляя каменное заграждение обрушиться.

Но стоило перекаленному камню рассыпаться в пыль, как в грудь тут же ударил шквальный ветер. Орхо отступил на шаг, прикрывая лицо рукой. Пламя сбилось и взвыло, как озлобленное животное. Орхо стиснул зубы, провернул ладонь, силясь сместить потоки воздуха. В голове нарастала тяжесть. Песок и мелкие камни царапали кожу. Ветер никогда не был его сильной стихией. Да и в целом хорошие ветроловы считались редкостью. Морхат, похоже, собрал целый отряд, надеясь сдержать Аэда.

Орхо раздраженно скрипнул зубами и выбросил руку вперед. Пламя наконец прорвалось сквозь бурю. Оно взорвалось ослепительной вспышкой, и мгновение спустя ослабевший ветер дохнул в лицо Орхо запахом горелой плоти и опаленных костей. Столько одаренных ветроловов, а Морхат заплатил их жизнями, чтобы выиграть всего пару минут.

За оплывшими коваными воротами тянулся просторный двор. Кажется, нойон пытался вырастить вокруг своих палат что-то вроде сада – посреди двора сгорбились черные остовы деревьев. В воздухе кружились обугленные клочья флагов, расшитых золотыми нитями. Орхо неспешно ступал по выжженной земле. Под ногами хрустели кости.

Он распахнул дверь палаты нойона легким толчком и шагнул внутрь. Зал был заполнен людьми. Дети, старики и проницательные трусы, которые предпочли жизнь попыткам остановить проводника, жались к стенам.

– Я пришел предстать перед Курултаем, – негромко

усмехнулся Орхо, выходя в центр зала.

Морхат и оба его сокола стояли на коленях на небольшой площадке. Вытянув руки перед собой, они склонили головы так низко, что Орхо мог видеть блестящую плешь нойона. Орхо приблизился к Морхату и кончиком сапога поднял его подбородок.

– Где Даллах?

Морхата била мелкая дрожь. Впрочем, стоило отдать ему должное: он, по крайней мере, не бежал. Главу другого стана Орхо пришлось искать по окружавшим город деревням.

– Я… – голос Морхата был едва слышен, – я не знаю, мой хан.

– Твой хан? – переспросил Орхо. – Как легко достойные нойоны Курултая меняют сторону. И почему я не пришел раньше? – Он поднял носок сапога выше. Шея нойона выгнулась как у гуся. – Я предупредил Тенхо, что буду выжигать вас по очереди, пока Даллах не вернется ко мне. Надеялся, вы сможете как-то повлиять на него. Ты – седьмой в очереди, Морхат.

– Я готов служить тебе, мой хан!

– Недорого стоит такая служба. Где Даллах?

– Мы пытались уговорить кагана! Тенхо не слушает нас. Он отправился на южные границы с войском. Может, и Даллах с ним, я не…

– С ним?

– Каган уверен в победе над Эдесом. Он говорил, что это

будет последний поход. Значит… значит, что-то изменилось. Он получил преимущество, – прерывисто затараторил Морхат, цепляясь пальцами за сапог Орхо. – Послушай, Аэд, не выступай против Курултая! Если ты объединишься с нами, мы сможем противостоять кагану, даже если он заключил альянс с Даллахом. Только ты в таком случае сможешь остановить их.

Альянс… Позвоночник Орхо прошило холодом. Он замер. Ему потребовалось несколько мгновений для того, чтобы справиться с едким ощущением расползающегося по мышцам оцепенения.

Он прикрыл глаза. Вспоминал. Нетронутые покои Даллаха в лагере возле Йорда. Аккуратно разбитую цепь пленника. Тонкий металлический лист с деловым и учтивым посланием Тенхо – предложение объединить силы для борьбы с Эдесом.

Все это – и сладкий запах белого ковыля, впитавшийся в ткань пологов.

Орхо расправил плечи и низко склонился над Морхатом:

– Нет.

Морхат дернулся назад и завопил:

– Сейчас!

В лицо Орхо брызнуло пламя. Огонь лениво лизнул кожу, не причинив вреда. Но в тот же миг один из соколов нойона рванулся в сторону, выхватил из широкого рукава сноп сухой травы и метнул в огонь. Пламя мгновенно охватило вер-

хушки – сноп вспыхнул. Приторный дым ударил в нос Орхо, заставил его отшатнуться. Бесконечно знакомая головная боль стиснула виски. Она наваливалась отупляющей тяжестью, забивалась в каждую щель сознания, гасила его. Воздух уже собирался вихрем вокруг Орхо, не позволяя дыму рассеяться. Первый ощерился – каждая лампада в зале вспыхнула ослепительно-белыми искрами, но белый ковыль подавил его. Пламя трепыхалось точно облитая нафтом птица: беспомощно и злобно.

Орхо покачнулся и сжал виски пальцами, закрывая лицо. Морхат вскочил на ноги и замахал руками, пытаясь ветром удержать дым белого ковыля вокруг Орхо.

– Больше! – рявкнул он соколам. – Нужно больше ковыля! Мы…

Его крик оборвался на полуслове. Зал накрыла тьма.

Вихрь рассеялся. Орхо с усилием разогнал остатки дыма и вдохнул застоялый воздух. Прогорклый запах человеческого пота и лежалой соломы показался ему свежим бризом. Воздух в зале застыл – словно все разом задержали дыхание. Казалось, что можно было расслышать дерганый перестук сердец.

Орхо откинул волосы со лба и поднял взгляд на Морхата.

Нойона вытянуло, изогнуло дугой. Вскинутые руки проломились в обратную сторону в локтях. Белесые головки суставов торчали из разорванной кожи. Он стоял с распахнутым ртом, точно замер в крике, а его челюсть опускалась

все ниже, медленно надрывая тонкую кожу впалых щек. Его тень, неестественно темная и широкая, расползалась под ногами неровной кляксой, сливалась с силуэтами его соколов. Они лежали на полу бесформенными грудами окровавленной плоти.

Рада вышла из-за спины нойона. Поймав взгляд Орхо, она неохотно опустила вытянутую руку, мазнув кончиком широкого рукава по испачканному кровью полу. Дрогнув, нити ее тени выскользнули из расплывшегося темного пятна под ногами Морхата. Старик рухнул на колени, издавая дикий, протяжный вой. Выломанная челюсть не позволила ему закрыть рот. Кровавая слюна закапала на пол.

Орхо за волосы оттянул ему голову.

– И кто же надоумил тебя использовать белый ковыль?

Морхат хрипло и тяжело дышал. Он дернул искалеченной рукой, но в итоге бессильно уставился на Орхо покрасневшими глазами.

– Ос… тановись, – промямлил он.

– Если Даллах жив, я не могу остановиться, пока не найду его, – проговорил Орхо, положив руку на грудь Морхата. – Если же он мертв… тогда я просто не вижу смысла останавливаться.

Пламя на кончиках пальцев занялось неохотно. Ненавистный дым осел на тени Великого Духа маслянистой пленкой. Орхо чувствовал его вкус, его отупляющее безразличие и боль. Он медленно прожигал легкие Морхата, позволял Пер-

вому раскалять свою кожу злостью и тоской.

Кровь Морхата вскипела, хлынула горлом. Он захрипел, и Орхо отбросил его от себя прежде, чем тот успел запачкать его халат. Он посмотрел на сжавшихся у стены служек. Один из них – мальчишка лет тринадцати – был одет лучше остальных. Он волком смотрел то на Орхо, то на изувеченное тело Морхата, но не смел пошевелиться.

– Ты. – Орхо щелкнул пальцами, подзывая парня к себе.

Тот застыл на мгновение, но потом послушно направился к Орхо. Он шел медленно, нелепо, словно подволакивал обе ноги одновременно.

– Ты его сын. – Орхо не спрашивал. Парень сглотнул и покачнулся на месте. Мальчишку трясло от страха, и он сдерживал дрожь всеми силами. Орхо нагнулся к трупу Морхата и оторвал кусок золотой ткани от его халата. Стерев с ладоней сажу, он швырнул обрывок мальчику. – Скачи в ближайший стан и предупреди следующего нойона. Он будет восьмым. – Кивнув на тела соколов, он шагнул к мальчишке и ровно произнес то, что повторял уже не раз: – Если Даллах не вернется ко мне к тому времени, как я прибуду в его владения, мой визит закончится так же, как этот. И когда нойоны Курултая закончатся, я приду за каганом. А за моей спиной останется пепелище на месте его земель. Ты запомнил, что я сказал?

Мальчик кивнул:

– Да, мой хан.

Влажный степной воздух приятно холодил лицо. Белые всполохи уже не рвали небо. На его темном своде проступили звезды. Жар медленно оседал к земле. Орхо окинул взглядом вереницу обугленных заборов. Обгоревшие балки еще тлели, ощетинивались искрами под каждым порывом ветра. В колодцах хлюпала кипящая вода. Стены домов трещали, пласты глины осыпались с них, как сгоревшая кожа.

Рада бесшумно приблизилась к Орхо со спины. Иверийка хорошо справилась со своей работой. Орхо был на охоте. Она ставила капканы, чтобы никто не мог уйти от него.

У подножия холма Орхо увидел всадника. Он направился вниз по склону, и тот, неловко спешившись, двинулся ему навстречу. На фоне зарева Орхо отчетливо видел худощавую, изломанную фигуру. Тамьян шел медленно. Его левая нога не сгибалась. Одно плечо поднималось сильно выше другого. После йордской битвы Рада выправила переломанные кости нукера как могла – но слишком поздно. Талорская кровь успела сцепить кости так, как их смяла эдесская Печать Сети.

– Оставь здесь тысячу человек, – велел Орхо Тамьяну, едва они поравнялись. – Этого хватит, чтобы удержать земли в подчинении.

Тамьян мрачно огляделся.

– Шесть тысяч держат Йорд. – Он говорил медленно, часть слогов словно проваливалась. Восстановить сломан-

ную челюсть и раскрошенные зубы не смогла ни талорская кровь, ни иверийские зелья. – Четыре из тех, что ты вывел из Пыльного Яра, мы уже оставили в других станах. Ты рассредоточил силы. У нас не останется армии, когда мы дойдем до кагана.

– По-твоему, мне нужна армия?

– Каган может развернуться, чтобы вернуть свои земли. Стоит ему разделить войска, ты не сможешь погнаться за всеми разом. А если Даллах…

– Если Даллах что, Тамьян? – оборвал его Орхо.

Тамьян прямо взглянул ему в глаза. Страха в его взгляде не было.

– Он хотел уничтожить Эдес. Каган хочет уничтожить Эдес. Если они объединились, мешать им смысла нет.

Орхо провел языком по небу. Во рту чувствовался обманчиво нежный, сливочный привкус ковыльного дыма. Пятый вскинулся, зазвенел. Звон был ровным, но оглушительным. Он гудел в горах Старого Тала, несся на юг и петлял в Газарских хребтах. Он пересекал само Вечное море и кружил в Майарской пустыне. Он звучал повсюду, где способен гореть огонь. Для Великого Духа не существовало расстояний, но он нигде не встречал своего эха.

Чтобы заключать альянсы и воевать с Эдесом, чтобы предавать и бежать, необходимо… быть. Но Даллаха нигде не было. Ни в одной точке этого мира Пятый не откликался на звон сородича.

Если сжечь все, не останется ничего, кроме Даллаха, и так искать будет проще.

– Если Айлан сделал все правильно, Тенхо не сможет позволить себе развернуться. – Орхо стукнул носком по земле, подзывая Терна, и почувствовал далекий топот копыт. – Я раздавлю брата прямо об эдесские щиты и уничтожу вместе с армией Гая Корвина.

4. Наука тела

Айлан стряхнул с ладоней сухой песок.

– Вернулись пятнадцать человек. Уходили сорок. Нарвались на патруль.

Терций мрачным взглядом проводил вереницу мальчишек с носилками. На носилках скулили раненые. Изрезанные Паучьей Печатью лица, распухшие от искр Улья тела, смятые Сетью кости. Один из бойцов взвыл и рывком перевернулся на бок, едва не опрокинув носилки. Его стошнило кровавой массой, и он затих. Последствия Печати Мора. Жуткая штука.

– Четырнадцать, – резюмировал Терций, обернувшись к Айлану. – И как же, по-твоему, они напоролись на патруль?

– Отряды Младших магов в последнее время стали умнее, – отозвался тот, – а твои ребята – нет.

– С ними должен был быть слышащий. – Терций злился и не спешил уступать. – Разведчик, который предупредил бы их о засаде.

– Обученных слышащих у меня всего десять, – Айлан кивнул на другой конец площади. Там толпа северян с небольшой группой талорцев во главе стаскивала набитые зерном мешки в разоренный храм Минервы. – Все были при деле. Мы сделали подкоп под Мерцедониевы ворота и ограбили обоз. Зерна и бобов хватит на неделю, а если твои люди не будут воровать – то даже на две.

Терций схватил его за ворот рубахи и рванул на себя.

– Ты отправил моих людей на смерть!

Айлан навис над Терцием и тот внезапно понял, что наклонить стихийника вышло слишком легко. Силы ему было не занимать – но скорее хлипкий лен рубахи треснул бы, чем ему удалось пошатнуть Айлана против его воли.

Айлан приблизился сам, а потом положил ладонь на руку Терция и аккуратно, по одному, разжал его пальцы.

– Не здесь, соколица, – тихо произнес он и улыбнулся, – на нас смотрят люди. Мама с папой не должны ругаться. Поговорим позже, когда ты переоденешься.

Терций скрипнул зубами и огляделся. Храмовая пло-

щадь была заполнена людьми, и, конечно, каждому было интересно, как собачатся лидеры восстания. Поймав на себе несколько любопытных взглядов, Терций выпрямился и осклабился.

– Ты должен мне сотку за каждого, кто там сдох, стихийник.

– Поторгуемся. – Айлан махнул рукой и направился к своим людям. – Пойду прослежу, чтобы твой доблестный народ не растащил наши запасы.

Терций остался стоять посреди кипящей сомнительной жизнью площади. За последние месяцы здесь сформировалось что-то вроде штаба восстания. Между тряпичными тентами, где торговали краденым, сновало мелкое ворье. Вяло чадили костры, на которых варили похлебку. Длинное здание, где раньше располагались конюшни, превратилось в казармы. Лошадей у простолюдинов не было. Тех, кого не увели себе северяне, эдесская беднота пустила на мясо еще пару месяцев назад.

Площадь смердела немытыми телами и мокрой шерстью – казалось, что сюда сбежались все псы Нижнего города. Над палатками стоял тяжелый дух мертвечины: трупы нескольких магов висели на перекладине уже пару недель, и снимать их никто не собирался. От мартовской промозглой сырости тела гнили медленно.

Когда поднимался ветер, помойный смрад ненадолго сме-

нялся зловонным духом застойной реки. Тисс протекал совсем рядом – между домами по западной стороне виднелось его серое, заболоченное лоно.

Терций незаметно встряхнулся, сбрасывая оцепенение. Он двинулся в сторону лазарета, сколоченного из обломанных досок навеса, откуда доносились жалобные крики. Над носилками стояла щуплая магичка. Дрожащими руками она пыталась вывести Исцеляющую Печать, но раненый, которого она лечила, уже не дышал. Возле нее крутился паренек из плебеев и угрожающе размахивал руками. Слов его Терций не слышал, но и по движениям и по лицу магички понимал – вряд ли это были благодарности.

Приблизившись, Терций окликнул девушку:

– Люцилла? – Та вздрогнула и втянула голову в плечи. Терций ободряюще улыбнулся. – Чего куксишься?

Люцилла отвела взгляд. Казалось, она едва сдерживается, чтобы не разрыдаться. Ей было от силы пятнадцать. Руки в крови, пальцы дрожат так, что она не то что печать – свое имя вычертить не смогла бы.

– Я не успела, – всхлипнула она.

– Отдохни, – велел Терций, – пришли кого-нибудь другого. Не бзди, всякое бывает. Ну помер, судьба такая. А ты, мелочь, дуй сюда, – окликнул он паренька. – Поговорим.

Когда пацан подошел, Терций положил руку на его плечо и потянул в сторону.

– Вот скажи мне, дружочек, – сжав пальцы так, что маль-

чишка скривился от боли, Терций доброжелательно оскалился, – ты девочку уже пользовал?

Тот подобрался:

– А то.

– Врешь, – легко заключил Терций. – Но вот представь себе, приходит к тебе девочка сама. Вот что ты будешь делать?

– Еб… – начал пацан, но Терций тут же отвесил ему подзатыльник.

– Неправильный ответ. Секи мудрость, сопля. Когда девочка приходит к тебе сама, ты ее обхаживаешь и говоришь ей, что она красивая, – и только потом все остальное. Потому что иначе девка сбежит, и останешься ты иметь свою ладошку. Чуешь, куда я веду?

– А че, девки будут? – Пацан расплылся в улыбке.

Терций вздохнул.

– Эти маги, – сказал он, понизив голос, – приперлись к нам по доброй воле. И если мы будем с ними нежными и где надо поцелуем, они подружек позовут. А если мы будем хаять их труд – сбегут и не вернутся. И когда следующий патруль покромсает тебе рожу Паутиной, лечиться будешь сам, примочками из говна, ясно тебе?

Парень насупился, шевеля прыщами на переносице:

– Ну и пусть валят. Они же златники.

Терций хлопнул его по плечу.

– Если я недосчитаюсь хоть одного, – улыбнулся он и резко схватил пацана за загривок, сгибая его пополам, – я лично

объясню и тебе, и всей твоей кодле, зачем они были нужны. Ты меня понял?

– Да понял я, понял… – выдохнул пацан.

– Еще раз: ты меня понял? – Терций тряхнул его, выворачивая сжатую кожу, и парень взвыл.

– Да!

– Чудно. – Терций отшвырнул парня в сторону. – Теперь иди и спроси, не нужно ли нашим дорогим гостям вина и каши.

Пацан побрел прочь. На его загривке расплывалось багровое пятно. Терций задумчиво посмотрел на собственные пальцы, а потом перевел взгляд на стайку магов, которая ютилась на ковре возле большого навеса. Они практиковались в начертании печатей, то и дело нервно озираясь. В их взглядах читался страх, смешанный с упрямством. Это были те немногие маги Младшей Ветви, которые осмелились примкнуть к восстанию. Девушки и парни, которым и двадцати-то не исполнилось, – дети рабынь и шлюх, они считали себя ближе к народу, чем к элите. И сейчас они воочию наблюдали, что собой представляет этот самый народ. С ними нужно было обращаться нежно. Подпитывать их юношеский запал и жажду справедливости, не позволяя разрастись ужасу и отвращению.

Терций вразвалку направился к навесу.

– Как дела, уважаемые? – спросил он весело, оперевшись на заваленный пергаментами стол. – У вас практики уже по-

больше, чем у лучших лекарей Эдеса в былое время, как я погляжу.

Девушка, сидевшая ближе всех к нему, зарделась. Терций усмехнулся. Что-то в его повадках и внешности заставляло юных девиц забывать о невзгодах. Это тоже была своего рода магия.

– Не жалуемся. – Девушка помотала головой и принялась теребить выбившийся из растрепанной косы локон темно-русых волос. – Сегодня много работы. И мы справляемся.

Терций подмигнул ей:

– Умница.

Юнец, который, сгорбившись, сидел возле нее, оживился и поднял голову:

– А госпожа Талия скоро вернется?

По лицу девушки пробежала легкая тень. Терций дернул плечом.

– Да кто ж ее поймет, – обтекаемо ответил он, – эта птичка не на моей привязи.

– Мы практикуемся, – с готовностью заявил парень и принялся плести в неловких пальцах взвесь орнамента, – я скоро смогу усиливать оружие.

Терций с тоской посмотрел на вязь золотых нитей и подавил горестный вздох. Из трех символов два были настолько кривыми, что их и узнать было невозможно. Владеющим магией детям рабов в Эдесе были положены гражданство и какое-никакое образование, но никто не учил их как следует.

Примкнувшие к восстанию маги были хорошими людьми, но вот больших талантов среди них не было. Учить их магии было все равно что воспитывать из собаки акробата.

Впрочем, в отличие от Талии, Терций ничего не знал о магии. Терций должен был впечатлиться самим видом золотой пыли.

– Солидно. – Цокнув языком, он медленно покивал и махнул магам рукой. – Ладно, зелень, тренируйтесь. Скоро новую партию мяса подвезут. Если вас кто обидит – вопите.

Терций вразвалку побрел прочь, насвистывая веселую мелодию. Нянчиться с магами долго он не мог. Слишком много было других дел, которые требовали его внимания. Заглянуть на стихийный рынок и разнять сцепившихся из-за мешка соли торговцев. Отчихвостить бойцов, которые полезли к бабам-северянкам. Переломать кости какому-то бедолаге, который вздумал украсть со склада мешок зерна. Кажется, у него болела мать или жена и ей не хватало дневной пайки, чтобы восстановиться. Терцию не было до этого дела. Еды не хватало всем. Относительный порядок среди южан в оккупированных бунтовщиками кварталах держался только на авторитете Терция. Авторитет Терция держался на жестокости, бескомпромиссности и последовательности. Стоит кому-то увидеть сомнение или слабость в его единственном глазу – все пойдет прахом.

Поддержание дисциплины помогало стравить ярость. Именно ярость заставляла сердце гладиатора биться быст-

рее, а губы – расплываться в улыбке. Чуткий слух улавливал каждый шаг за спиной, вычленял в гуле взбудораженной толпы каждый опасный шорох. Но Терций знал, что никто не посмеет бросить ему вызов или ударить в спину. Терций нравился людям. Люди восхищались его властью и его зверской справедливостью.

И только стылая гниль – подарок Талии – в его венах оставалась к ним равнодушной.

Терций обходил свои владения. Нужно было посветить лицом, чтобы люди не забывали, кто здесь главный. Он двинулся вдоль ощерившихся кольями баррикад, которые перегораживали улицы между домами. За спиной громыхали тяжелые шаги Бари и Бруцеллия. Старшаки таскались за Терцием, как утята.

– Терций!

От пронзительного крика тело оцепенело. Терций с усилием вернул контроль над мышцами.

– Терций, посмотри на меня!

Сестра. Виция. Ее звонкий надрывный голос прорвался через гул забитого людьми квартала. Терций непроизвольно обернулся. Она стояла по другую сторону баррикад, цепляясь побелевшими пальцами за колья, и заходилась в рыданиях. Терций резко выпрямился и за рукав подтащил к себе зазевавшегося Бруцеллия.

– Я велел отвезти ее за город, – прорычал он, – какого хера

она здесь делает?

– Ну бежала, что я-то сделаю? Ноги ей переломаю? – проворчал Бруцеллий. – Всегда рядом ошивалась, а сейчас ты ее сплавить решил. Обижается.

– Терций! Поговори со мной! – не унималась Вития. – Что с тобой происходит?!

Она шла вдоль баррикад вслед за ними. От ее крика вскипала кровь и перед взором все плыло.

– Убери ее.

– Да что ты, в самом деле? – Бруцеллий растерянно покосился на девушку и вновь перевел взгляд на Терция. – Сеструха же твоя. Объясни ей, что к чему, она никогда дурой не была.

Терций скрипнул зубами.

– Уведи ее, – с нажимом повторил он. – Иначе я тебя уведу, да так, что не вернешься.

– Ладно-ладно.

Бруцеллий свернул к Вити, а Терций продолжил путь. Он слышал ее крики, пока не свернул в глухой двор. Оглядевшись, Терций привалился к стене и взглянул на свои руки. Пальцы подрагивали, норовили сжаться в кулак.

Сознание Талии зудело. Оно неуклюже ворочалось в чужой голове и силилось вдавить поглубже рефлексы хозяина. Но Терций – настоящий Терций, упрямый и несгибаемый, – рвался наружу. Вития будила его, заставляла вспоминать себя. Ее нельзя было подпускать близко. Талия могла обмануть

подчиненных Терция, даже его друзей – но не сестру-близнеца, которая знала его с утробы. Виция была опасна.

Двор пустовал. Пахло сыростью. Прислушиваясь к каждому звуку, Талия медленно двинулась в заброшенную инсулу. Подниматься по лестнице было трудно. Каждое движение давалось тяжело, точно приходилось продираться через встречный поток воды.

Оставив позади шесть этажей, она добралась до чердака, отперла дверь ключом и, выдохнув, открыла глаза уже в собственном теле.

– Доброе утро, красавица.

Закашлявшись, Талия с трудом приподнялась на локтях. Расслабленные после сна мышцы не успевали за бодрым разумом и отзывались на каждое движение неловким подрагиванием. Ощущение было такое, словно вся кожа Талии была покрыта тонкой пленкой. Собственное тело казалось тугим и неповоротливым. Чужим.

На маленьком чердаке было тепло и сухо. Ветер из окна шевелил разбросанные на столе бумаги. Благодаря печатям сюда не проникал ни уличный смрад, ни холод. В заброшенное помещение никто не совался: Талия ловко раскидала тут и там иллюзии. Натыкаясь на них, плебеи быстро присвоили ее дому статус проклятого. Это было необходимо: Талия не могла защитить жилище барьерными печатями. Магия существовала только в ее теле, но не в теле Терция. Поэтому

приходилось обходиться обычным замком. Но замок оказался слабой защитой.

Айлан сидел на шатком стуле возле окна. Тяжелая шуба, влажная от весенней мороси, валялась на сундуке рядом. Облокотившись на подоконник, Айлан наблюдал за суетой восстания. С высоты шести этажей площадь перед храмом Минервы прекрасно просматривалась.

– Ты что здесь делаешь? – просипела Талия.

– Мы не договорили, – отозвался он и только потом наконец повернулся к ней. – Не люблю, когда девушки таят на меня обиду. Пришел ругаться.

– Как ты вошел? – Талия прочистила горло и села на край кровати, расправляя смявшееся платье. – Комната была заперта.

– Я впустил себя сам.

Айлан провел по воздуху пальцами. Пробка с закрепленного на его поясе меха слетела и глухо стукнулась об пол. Пузырь воды завис в воздухе, меняя форму, и изобразил что-то вроде ключа. Ледяная отмычка. Талия знала, что талорцы владели всеми стихиями, но чаще всего какая-то одна давалась им проще других. Для Айлана это была вода. В стычках с эдесскими магами он держался берегов Тисса, за что получил от народа прозвище Палача Тисских Вод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.